

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

Изучение русского языка в Китае 40–50-х гг. XX в.

Первые серьёзные шаги Китайской Республики в организации курсов русского языка в годы антияпонской войны 1937–1945 гг. были предприняты по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией под влиянием нормализации советско-китайских отношений, характеризовавшейся возобновлением деятельности Посольства СССР в Нанкине с последующим его переездом в Чунцин вслед за китайским центральным правительством. Как видно из сообщения журнала «Интернациональная литература» в 1941 г. (№ 2, с. 244–245), к этому времени в Центральном университете Китая уже в течение двух лет работал студенческий кружок по изучению СССР и особенно русской литературы. С переездом Центрального университета из Нанкина в Чунцин в г. Куньмине был вскоре учреждён Юго-Западный университет, где также стал функционировать студенческий кружок с аналогичной целью изучения советской литературы, стимулировавший распространение русского языка.

О росте интереса китайской общественности к русскому языку как средству познания соседней страны с новым общественным строем и традиционной культурой, свидетельствовал факт организации (по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией) курсов русского языка в четырёх крупных городах Юго-Западного Китая: Чунцине, Гуйяне, Гуйлине и Куньмине, где более 200 чел. специально занимались изучением русского языка, открывавшим путь к познанию характера и особенностей русской литературной классики.

Изучение русского языка в Центральном Китае, находившемся под японской оккупацией, довольно активно велось благодаря передачам советской радиостанции «Голос Родины», работавшей в Шанхае в тесном контакте с известным журналистом В.Н. Роговым (1986–1988) (сотрудником ТАСС) и его издательством, выпускавшим в Шанхае журнал «Шидай» («Эпоха»; см. подробнее [3]). Радиопередачи на русском языке, начинавшиеся в 6 час. утра и продолжавшиеся в течение получаса в понедельник, среду и пятницу каждой недели, назывались упомянутым

журналом по-китайски «Э-вэнь цзян-цзо» («Лекторием русской письменности»). Дополнением к ним служили передачи: «Последние новости», которые велись на русском языке в дневное и вечернее время: в 2 час. 45 мин., 17 час. 45 мин. и в 10 час. вечера. О содержании и организации радиовещания на русском языке позволяет служить нижеследующий пассаж из письма директора радиостанции В. Валина:

«Большое внимание уделяет наша радиостанция организации уроков русского языка для китайского населения. Эти уроки проводит в эфире преподаватель-китаец, получивший высшее образование в России. От радиослушателей мы получаем много писем с вопросами, касающимися изучения русского языка, что позволяет сделать вывод о том, что аудитория обучающихся русскому языку довольно многочисленная. Тексты уроков печатаются в еженедельно выходящем здесь журнале «Эпоха» [«Шидай»], и это является существенным подспорьем для лиц, [самостоятельно или в организованном порядке] изучающих русский язык» [З, с. 62] (Здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Для радиопередач нередко использовались китайские переводы произведений российских писателей, издаваемые «Эпохой» с параллельным русским текстом, облегчавшим знакомство читателей с языком оригинала. Примером такого рода пропаганды русской классики и её языка может служить китайский текст рекламы, сопровождавшей ранние произведения А.М. Горького в китайском переводе с рекомендацией их читателям. Так, в журнале «Шидай» (№ 5 (183) 1947 г.) в верхней части публикуемого в китайском переводе рассказа М. Горького дана такая реклама-рекомендация: «Это – прекрасный спутник для изучения и прочтения образцов русской письменности», «Справочник для занимающихся [обратным] переводом», благодаря чему публикуемые «рассказы могут служить учебным пособием» для занимающихся русским языком.

Более важным инструментом изучения русского языка служил для китайцев при начальном с ним знакомстве учебник русского языка. Один из них представлен в двух номерах журнала «Шидай», опубликованных в ноябре того же, 1947 года (№ 3–4 (181/182) 1947 г.).

Столь же интересны сведения об изучении русского языка в Шанхае в этот период, которые сообщает Н. Светлов, автор рукописи об интересе в Китае к русской литературе. В частности, в 1944 г. он отмечал: «Первые переводы [произведений] русской литературы не отличались близким сходством с оригиналами. Прочитав оригинал на русском языке, китайский писатель [с помощью иностранного перевода либо неквалифицированного переводчика] захлопывал книгу и пересказывал прочитанное, расцветивая его собственной фантазией, нередко даже перенося действие произведения на китайскую почву. Так, например, случилось с пьесой „Ревизор“ Н.В. Гоголя, которая почти 20 лет идёт в театрах и по нему сделана большая кино-картина. Хлестаков и Сквозняк-Дмухановский нашли себе в Китае живое отражение в живых типах современного Китая. Тем ближе восприняли „Ревизора“ китайские читатели и зрители.

В настоящее время с ростом серьёзной литературной критики и появлением в Китае профессиональных переводчиков, среди которых некоторые

уже переводят русские сочинения непосредственно с русского языка, переводы становятся всё лучше и лучше. Достаточно сказать, что известный переводчик Цзинь Жэнь недавно перевёл с русского языка все четыре тома „Тихого Дона“ Михаила Шолохова. Он же перевёл книгу А. Полякова „В тылу врага“, причём раньше, чем она была переведена на английский язык в Лондоне.

За последние два года большую работу в этом направлении проделал здесь, в Шанхае, завоевавший широкую популярность литературно-художественный журнал „Шидай“ („Эпоха“). В нём китайский читатель находит переводы лучших образцов современной советской литературы. За это время в нём печатались произведения Е. Петрова, А. Полякова, И. Эренбурга, А. Толстого, К. Симонова, В. Катаева, В. Ставского, В. Кетлинской и других писателей. Кроме того, в специальном отделе журнала [в рубрике] „Изучение Горького“ даётся систематический подбор статей, освещающих жизнь и творчество этого наиболее популярного сейчас в Китае иностранного писателя, причём также публикуются отклики писателей и хорошо выверенные переводы ряда небольших произведений М. Горького.

Более широкому знакомству китайцев с советской литературой посвятил себя начавший недавно выходить в Шанхае литературный альманах „Суянь вэнь-и“ („Литература и искусство СССР“). Новый журнал быстро завоевал популярность среди читателей. В вышедших двух первых его номерах, среди других литературных трудов были опубликованы переводы прозаических произведений Н. Тихонова „Черты советского человека“, К. Симонова „Русские люди“, А. Толстого „Рассказы Ивана Сударева“, В. Катаева „Флаг“ и др., а также поэма Н. Тихонова „Киров с нами“, стихи К. Симонова, А. Суркова, М. Исаковского, С. Щипачёва и других поэтов. В выходящем на днях третьем номере альманаха начнётся печатание большой повести В. Гросмана „Народ бессмертен“, отрывок из повести Ванды Василевской „Радуга“ и другие материалы. Благодаря этим публикациям *интерес к советской литературе с каждым годом становится всё глубже и шире, вызывая естественное стремление китайской молодёжи к изучению русского языка.*

Русские резиденты [эмигранты] Шанхая, избрав для себя частное преподавание русского языка китайцам, не могут пожаловаться на отсутствие учеников. Наоборот, *наиболее популярные из преподавателей, которые говорят по-китайски, буквально осаждаются китайцами, желающими изучить русский язык.* Всё это главным образом представители учащейся молодёжи – студенты. Они с большим терпением буквально вызубривают нашу сложную русскую грамматику. Несмотря на отсутствие хороших учебников (среди них всё же терпим лишь дотошно скучный учебник С.Н. Усова) и русско-китайских словарей, они жадно и очень быстро осваивают русский язык, переходя от учебников к советским хрестоматиям, а от них и к газетам, журналам и книгам.

Большим подспорьем в изучении русского языка для широких масс китайцев Шанхая явилось начатое год назад по инициативе радиостанции XRVN заочное обучение русскому языку. Три раза в неделю китайский

диктор, хорошо владеющий русским языком, проводит радио-уроки. Для удобства радио-слушателей журнал „Шидай“ заблаговременно публикует тексты заочных уроков как на своих страницах, так и отдельными выпусками.

Радиостанция („Голос родины“) и журнал „Шидай“ получают многочисленные письма от своих слушателей и читателей с всевозможными приветственными обращениями и т.д. Нередко среди пожеланий можно встретить просьбы об открытии школы русского языка для китайцев. Это живое общение между журналом с одной стороны и читателями и слушателями с другой, наглядно свидетельствует о всё возрастающем интересе среди передовых масс китайцев к русской литературе» (ГАРФ, ф. 5283, 1942, оп. 18, д. 35, л. 57–60).

Сделав первые шаги в изучении русского языка либо познакомившись с ним в учебном заведении (в том числе в Москве), некоторые китайцы нередко обращались в Посольство СССР в Чунцине с просьбой о присылке им необходимой литературы. Аналогичную просьбу в сентябре 1944 г. направил советскому послу А.С. Панюшкину Чэн Хао-фань, работник Санитарного управления администрации провинции Гуанси. В этом письме говорилось: «К сожалению, я знаю только Ваше китайское имя и Вашу фамилию, поэтому я Вам вместо Вашего имени пишу китайское слово [иероглиф Пань].

Раньше я не мог говорить по-русски. [Только] сейчас я могу говорить и писать по-русски. Я изучал этот язык в течение года с половиной. *Уже теперь я чувствую русскую литературу, очень богатую и очень интересную* [по её содержанию]. Я очень люблю произведения великих русских писателей. Можете ли Вы прислать [что-нибудь] из старых ненужных журналов и романов, [прочитанных Вами, потому что сейчас в Гуйлине, простите меня, нелегко купить ни журнала, ни учебника, ни газеты [на русском языке]. Потому и прошу [Вашей] помощи. Будьте здоровы» (ГАРФ, ф. 5283, 1944, оп. 18, д. 40, л. 23).

С более конкретной и профессиональной просьбой обратился в Посольство СССР в Чунцине, к его сотруднику А. Дорофееву Шэнь Чжиюань, ранее обучавшийся в Москве, в Университете трудящихся Востока. Оказавшись в период антияпонской войны 1937–1945 гг. в г. Чэнду (провинция Сычуань), он просил о присылке ему советских журналов: «„Мировое хозяйство“, „Мировая политика“, „Большевик“ и других изданий, [содержащих] экономические и философские материалы».

Очень часто кружки по изучению русского языка создавались в местах проведения различного рода выставок, регулярно организуемых Посольством СССР. Примером может служить информация по этому поводу представителя ВОКС'а в Кашгаре Васюкевича, который 10 марта 1942 г. сообщал своему руководству:

«Антифашистская выставка (Окна ТАСС, плакаты, фото), экспонировавшаяся в Кашгаре, после пополнения полученными от Вас новыми плакатами и Окнами ТАСС отправлена 18 февраля в уездный город Янги-гисар. После просмотра [местными жителями] в Янги-гисаре [экспозиция будет отправлена в Яркенд]...

С 1-го марта должен был начать работу кружок по изучению русского языка, но так как записавшихся изучать русский язык оказалось более 400, то вчера на собрании решено организовать два кружка по 40 чел. в каждом, т.е. 80 чел., а остальные будут охвачены [обучением] в следующий раз через три месяца. Кружок будет заниматься по трёхмесячной программе. Преподавателями русского языка выделены члены КСКО (Общество культурных связей между Китаем и СССР) – советские граждане Микушевич и Аксёнов. Занятия начнутся с 10 марта».

О последующей работе кружка и встретившихся затруднениях сказано ниже в сообщении Васюковича от 14 ноября 1942 г.:

«По вопросу работы кружка по изучению русского языка губернатор высказал мнение, что в зимнее время работа кружка затруднена, т.к. помещение не отапливается. Учителю и ученикам холодно, а средств на отопление и освещение помещения Общество (КСКО) не имеет. Кроме того, слушателями кружка в основном являются учителя и учительницы, которые не успевают готовиться к занятиям по своей основной работе, так как в зимнее время дни короткие, в 5–6 часов уже темно, а занятия в кружке начинаются в 6 час. и слушатели кружка (члены женской группы) расходятся по домам, когда уже совсем темно, а некоторые женщины боятся [темноты].

Губернатор [Гун Пи-ле], основываясь на сказанном, предложил работу кружка прекратить до лета и просил уполномоченного ВОКС'а известить учительницу Суворову, что с 7 ноября занятия прекращаются» (ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 28, л. 23–24, 50–51).

Вслед за переводами на китайский язык произведений русской классики (при активном участии В.Н. Рогова) в 30–40-е гг. в Китае начинают появляться первые опыты переводов законодательных актов Советской России. Поначалу эти работы не отличались высоким качеством грамотности типографского набора. Об этом сообщал известный активист Общества культурных связей Китая и России проф. Чжан Си-ман в письме от 10 октября 1944 г. из Чунцина, направленном на имя Председателя ВОКС'а Кеменова. Чтобы полнее представить сложности, возникшие перед китайским переводчиком, приведём ниже текст этого письма без необходимых комментариев:

«Пользуясь любезностью Вашего представителя в Китае г-на Дорофеева в передаче моего письма, с препровождением при нём 5-го и 7-го номеров китайского юридического журнала, покорнейше прошу определить [их] для передачи соответствующим учреждениям и организациям. *Вследствие небрежного набора и [последующей] корректуры в них вкралось немало опечаток и пропусков, которые, разумеется, будут исправлены в их переиздании.*

Мне давно хотелось перевести Конституции всех 16-ти союзных республик СССР, но из-за имевшегося у меня их устаревшего издания, я вынужден пока ограничиться переводом только Конституций 5-ти союзных республик, соприкасающихся своими границами прямо или посредственно с Китаем.

В ноябрьском 9-ом номере юржурнала также будет помещён мой перевод Конституции Казахской Республики. Конституции Киргизской и

Таджикской республик равным образом будут переведены и изданы с главной Конституцией СССР – сборником с дополнениями её последнего издания.

В ноябре–декабре ... мною будет издан новый журнал „Демократия и наука“, освещающий вопросы демократической консолидации всех свободлюбивых народов, героически борющихся против фашистской интервенции и мракобесия и в частности достигших блестящих достижений социалистического строительства» (ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 2).

После образования КНР пропаганда русского языка в Китае приняла более широкие масштабы, причём главным организатором различного рода курсов выступило Общество китайско-советской дружбы, созданное 5 октября 1949 г. Об этом свидетельствует корреспонденция, появившаяся в Шанхайском ежемесячном литературно-художественном журнале «Шидай цзачжи» 1 января 1950 г. (№ 182). Согласно этой корреспонденции, озаглавленной «Китайская молодёжь изучает русский язык», упомянутым Обществом было организовано три школы по подготовке переводчиков, в которых под руководством четырёх преподавателей занималось пять групп слушателей. При этом автор статьи отмечал, что с Нового года начнёт работать открывающийся при Народно-революционном университете факультет русского языка, ректором которого был назначен знаток русского языка Цзян Чунь-фан, тогдашний редактор журнала «Шидай», которого хорошо знал В.Н. Рогов. Для работы на указанном факультете были приглашены 12 русских преподавателей. Из 2200 абитуриентов после сдачи экзаменов осталось только 300 чел., допущенных к учебным занятиям, что свидетельствовало о строгом отборе будущих студентов.

Как видно из сообщения журнала «Шидай» от 8 марта 1950 г., 19 февраля в Шанхае открылся Институт русского языка, который возглавил проф. Цзян Чунь-фан.

В октябре 1949 г. на территории столичного района – на полпути от Пекина до загородного дворца Ихэюаня – возник аналогичный институт русского языка под названием «Бэйцзин э-юй сюэ-юань». В него в феврале 1951 г. вошёл факультет русского языка Института иностранных языков, а в июле 1955 г. – факультет русского языка Народного университета («Жэньминь дасюэ»). По данным газеты «Дружба» за декабрь 1955 г. здесь обучалось около 5700 студентов, причём в составе института дополнительно работали педагогическо-переводческий факультет и двухгодичные курсы усовершенствования. Кроме студентов в этом вузе обучались и аспиранты.

Помимо Пекинского института русского языка в различных городах Китая функционировали семь крупных учебных заведений с преподаванием русского языка.

В апреле 1954 г. в Харбине были открыты первые в КНР заочные курсы русского языка, о чём 22 сентября 1955 г. сообщила газета «Дружба», поместившая в этой связи статью под заголовком «Изучая русский язык, укрепляем дружбу [с СССР]». К овладению русским языком настойчиво призывали молодёжь руководители КПК и КНР, о чём

свидетельствует, например, одна из подборок материалов на эту тему в газете «Дружба». Публикуя письма обучающихся в советских вузах студентов, газета знакомила молодёжь с высказываниями наиболее известных деятелей китайского правительства. Так, призыв Чжоу Энь-лая к китайской молодёжи звучал следующим образом: *«Во имя строительства нового Китая налаживайте преподавание и изучение русского языка, усиливайте культурные связи с Советским Союзом»*. Интересным представляется и призыв Чжу Дэ, который обращался к педагогам с такими словами: *«Улучшайте преподавание русского языка, с любовью выращивайте кадры знающих русский язык*. Для нужд строительства в Китае готовьте кадры, способные правдиво пропагандировать передовой советский опыт в области политической борьбы, экономического и оборонного строительства».

На важное значение изучения русского языка в КНР в эти годы указывала и Сун Цин-лин, вдова Сунь Ят-сена, игравшая иногда главную роль в культурной жизни страны. Особенно интересна её оценка, данная появлению в свет первого номера газеты «Дружба» на русском языке (15 апреля 1955 г.): *«Выход в свет газеты „Дружба“ на русском языке является одним из замечательных событий в области дружественных отношений между великими китайским и советским народами... Китайско-советская дружба основана на общности интересов наших двух стран и пользуется единодушной поддержкой наших народов... Эта дружба способствует общему прогрессу человечества и возведению [нашего] общества на новую, высшую ступень. Таково главное значение китайско-советской дружбы, являющейся великим вкладом народов Китая и Советского Союза в общее дело мира и прогресса человечества... Мы рады каждой новой силе, которая способствует нам в достижении дальнейших побед во имя этой дружбы. Вот почему мы горячо приветствуем “Дружбу” и желаем ей больших успехов»*.

Высокую оценку пропаганде русского языка давал видный китайский общественный деятель – переводчик и пропагандист русской литературы Гэ Бао-цюань, называвший Институт русского языка в Пекине любимым вузом китайской молодёжи («Дружба», № 114 от 26 августа 1955 г.).

Серьёзный вклад в дело распространения русского языка в первые годы существования КНР внесло Общество китайско-советской дружбы. Об этом позволяет судить, например, корреспонденция из Пекина от 18 апреля 1950 г. о заседании Общества, состоявшемся 17 апреля 1950 г. В его работе участвовали видные партийные и общественные деятели: председатель Общества Лю Шао-ци, вице-председатель Сун Цин-лин, Линь Бо-цюй, У Юй-чжан, Го Мо-жо, Ли Дэ-цюань (вдова Фэн Юй-сяна), писатель Мао Дунь и поэт Эми Сяо. На этом заседании присутствовали в качестве гостей советские дипломаты, в том числе С.Л. Тихвинский. В данном сообщении приводилась следующая важная информация: *«Общество организовало вечерние курсы русского языка, на которых в настоящее время занимаются 228 студентов, а также 37 вечерних школ русского языка в городах Северо-Восточного Китая»*. Кроме того, школы русского языка, согласно указанной корреспонденции, функционировали в городах Баодин,

Калган, Шанхай, Ханькоу, Кантон [Гуанчжоу], Ланьчжоу и Циндао (ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, ед. хр. 129, л. 4).

Надёжным индикатором потенциального увеличения числа изучающих русский язык при отделениях Общества советско-китайской дружбы служил рост численности этой массовой организации, объединявшей различные слои китайского населения. Об этом росте свидетельствуют приводимые ниже архивные материалы и данные тогдашней китайской и русскоязычной прессы КНР. Как сообщало 25 апреля 1950 г. агентство «Синьхуа», за пять месяцев работы Общества (со дня основания) его численность увеличилась в 3 раза и оно насчитывало в своих рядах 20 749 тыс. (против первоначальных 7 тыс.; см. [ГАРФ, ф. 5283 [1950 г.], оп. 18, ед. хр. 129, л. 7]).

Согласно сообщению газеты «Новая жизнь» от 15 октября 1951 г., в Шанхайском отделении общества менее чем через два года число его членов (рабочих, крестьян и студентов) увеличилось до 609 497 чел., а по данным газеты «Новое слово» (вып. от 2 февраля 1952 г.), к декабрю 1951 г. оно возросло до 740 тыс., в результате чего каждый 8-й житель Шанхая являлся членом упомянутого общества.

В Гуанчжоу Общество китайско-советской дружбы к концу сентября 1951 г. насчитывало 83 836 членов, в том числе рабочие составляли 29 037, учащиеся – 22 847 чел. (ГАРФ, ф. 5283 [1951–1954], оп. 18, ед. хр. 145).

Из вышеприведённых фактов нетрудно представить, какую огромную роль играло Общество китайско-советской дружбы, численность членов которого к началу 1953 г., согласно неполным данным, опубликованным 10 апреля 1955 г. в газете «Дружба», превышала 68 млн. чел. Помимо Центрального правления Общества в Пекине, в масштабе всей страны имелось до 2 тыс. провинциальных, городских и уездных отделений на промышленных, горнодобывающих и других предприятиях, в государственных учреждениях, учебных заведениях, кооперативах и других организациях. В программе обучения русскому языку активно участвовали центральные и местные органы радиовещания. Три раза в неделю после позывных Пекинской Центральной Народной радиостанции диктор объявлял: «Начинаем урок русского языка». Регулярными курсами русского языка по радио, организованными Пекинским Обществом китайско-советской дружбы были постоянно охвачены 8 тыс. официально зарегистрировавшихся слушателей.

Первые годы КНР ознаменовались появлением на книжных рынках Пекина, Харбина, Дальнего и других городов учебников и учебных пособий по русскому языку, посвящённых разъяснению его грамматических форм и правил в научно-популярном изложении. Наиболее интересные работы были изданы Лю Цзэ-жуном (1892–1970), блестящим знатоком русского языка, получившим образование в Петербургском университете и в течение нескольких лет после Октября 1917 г. возглавлявшим Союз китайских граждан на основе подписанного В.И. Лениным мандата о соблюдении их гражданских прав. Ещё в 1936 г. им была опубликована в Пекине грамматика русского языка («Э-вэнь вэнь-фа»)¹. Она затем, в

1949 г., появилась в г. Дальнем (Далянь). Однако наиболее научно-обоснованной работой Лю Цзэ-жуна по этой тематике оказалась его «русская грамматика на русском и китайском языке» («Э-вэнь вэнь-фа»), вышедшая в свет в Пекине в 1950 г. в издательстве «Сань-лянь шу-дянь». Она состоит из двух частей: морфологии и синтаксиса, разбитых на параграфы, в соответствии с которыми даны и правила к ним и упражнения. В 1956 г. под редакцией Лю Цзэ-жуна вышел в свет «Новый русско-китайский словарь» («Э-хань синь цыдянь»), изданный в Пекине в издательстве «Шидай» («Эпоха»), за ним последовала публикация в китайской столице «Большого русско-китайского словаря» («Э-хань да цыдянь»), содержавшего 105 слов и выражений.

Ценное пособие по изучению русского языка под названием «Э-вэнь фань цанькао шуцэ» («Справочник по переводу с русского языка») подготовило и издало в 1951 г. местное отделение Общества русско-китайской дружбы в г. Дальнем и Порт-Артуре. В этом справочнике на 391 стр. представлена широкая база данных для самостоятельной работы и консультаций.

Несколько ценных учебников и словарей по русскому языку вышло в 1952–53 гг. в Харбине и среди них учебное пособие «Э-вэнь юйфа вэньти цзеда» («Вопросы и ответы по проблемам изучения русского языка»). Оно появилось в серии «Эй-юй чзачжи цуншу» («Коллекция материалов из журнала по русскому языку»). Значительно большее распространение в Харбине в начале 50-х гг. получили обычные популярные учебники под названием «Кэбэнь».

К выборочно взятым далеко не полным изданиям учебных пособий, изданным в КНР, следует обязательно присоединить вышедший в Пекине в 1953 г. (в издательстве «Шидай») русско-китайский словарь («Э-хуа цыдянь»), составленный в Москве Чэнь Чан-хао и Б.С. Исаенко (И-сань-кэ; см. подробнее [2]).

Уже в первые годы после образования КНР в связи с ростом политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом процесс духовного сближения народов двух соседних стран, ступивших на путь тесного делового сотрудничества, пошёл более активно и масштабно. Этому отчасти сопутствовала активизация в различных слоях тогдашнего китайского общества пропаганды русского языка, ставшего в Китае главным иностранным языком в деле технического перевооружения этой страны с помощью советских специалистов. Верными помощниками этих специалистов стали переводчики, в том числе приехавшие из Советской России, принявшие призыв китайской интеллигенции относительно более широкой и целенаправленной организации массовой кампании по овладению русским языком в филологических вузах и специальных языковых группах, организуемых центральными и местными организациями Общества китайско-советской дружбы. Среди приехавших в Китай было немало молодых талантливых китаистов, однако не каждый мог заняться столь сложной и кропотливой работой, какая требовалась при составлении того или иного словаря. Лишь наиболее опытные с солидным стажем лексикографы

могли взяться за подготовку такой работы, и среди них оказался известный китаист-журналист Владимир Николаевич Рогов (1906–1988), выпускник Московского института востоковедения. Получив отличную языковую практику во время работы на КВЖД, он в период японо-китайской войны успешно выполнял обязанности корреспондента ТАСС в Шанхае в годы японской оккупации (см. подробнее [3]). После образования КНР ему пришла мысль составить словарь, столь необходимый для распространения русского языка для переводов произведений русской классики на китайский язык и переводов произведений известного китайского писателя Лу Синя на русский язык. О том, насколько тщательно и скрупулезно велась работа по составлению указанного словаря, позволяет судить переписка В.Н. Рогова с членом редакции выходившего в Шанхае журнала «Шидай» русским эмигрантом Ю.А. Штраусом², активным участником работы по составлению русско-китайского словаря до и после отъезда советского журналиста на Родину в 1951 г., приводимая ниже.

1. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (25 июля 1950 г., Пекин)

«... Самое главное заключается в том, что и составление и издание нашего словаря ведётся кустарным способом при очень небольшом аппарате работников и при довольно низкой полиграфической технике... Пожалуй, это единственный словарь, составляемый в наше время не по карточкам, как это теперь обычно делается, а старинным способом – при помощи рукописей [касающихся] отдельных букв. Может быть, В.И. Даль уже мучился от этой старомодной системы, и после 40 лет работы над „Толковым словарём живого великорусского языка“ пришёл к выводу, что словари должны составляться по карточкам.

И всё же мы не можем перепрыгнуть наши скудные возможности. Со всеми этими обстоятельствами приходится мириться и работать методами прошлого столетия...

Время от времени я буду Вам пересылать напечатанные на отдельных листах термины и отдельные примеры, относящиеся к разным буквам. Вместе с тов. Гу Юн-чжуном Вы сразу вносите их в рукописи и в гранки уже набранных букв. Это новое мероприятие мы ввели потому, что критика, которой были встречены первые две буквы нашего словаря, главным образом сводится к тому, что у нас в словаре мало или недостаточно современной политической, юридической, исторической и философской терминологии...

Посылаю Вам копию одного из отзывов, который я получил в Пекине. Это письмо от профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэ-жуна, который в настоящее время по поручению китайского правительства приступил к переводу на китайский язык всех четырёх томов „Толкового словаря русского языка“ Д.Н. Ушакова. Должен с радостью отметить, что вообще все отзывы, которые получил [я] на первые две буквы, очень положительные. Конечно, есть и указания на наши ошибки, но лучше получить их раньше, чем после того, как словарь будет издан. Одно общее мнение во всех отзывах, и оно очень краткое: “Кончайте Ваш словарь!”

Мы решили закончить составление и редактирование нашего словаря не позднее 1 января 1951 г. ... Теперь нужно подумать над тем, как нам нужно работать в оставшиеся пять месяцев» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 26–28).

2. Из письма профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэ-жуна от 14 июля 1950 г., полученного В.Н. Роговым.

«Поздравляю Вас с близким завершением Вашего многолетнего труда по составлению словаря. По своему прошлому, неудачному, прерванному нашествием японцев, опыту вполне согласен с Вашим определением подобного труда, как „очень интересного, но очень мучительного“. Тем большее удовлетворение Вы должны испытывать теперь, когда доводите свою работу уже к завершению.

Я в эти дни очень занят – имею чрезвычайно мало свободного времени. Тем не менее я посвятил несколько часов беглому ознакомлению с любезно присланными Вашими гранками букв „А“ и „Б“ Вашего словаря.

Впечатление очень хорошее. Видна очень большая работа, проделанная Вами. Насколько можно судить по данным гранкам, это будет словарь, я бы сказал, „среднего объёма“. В нём должно быть больше материала, чем в вышедшем в прошлом году словаре Го Цзин-тяня³. Да и словарный материал разработан в Вашем словаре полнее. Ваш словарь должен удовлетворить запросам не только начинающих учиться русскому языку, но и переводчиков литературы неспециального характера. *Очень интересен данный Вами перевод многих пословиц и поговорок. Видно, что в этом направлении Вами была произведена специальная работа»* (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 29).

3. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (6 июня 1950 г., Пекин)

«Новостей в Пекине нет. На этой неделе получили всю типографию из Тяньцзиня. С 1 июля откроем типографию „Эпохи“ в Пекине с большим русским отделом. В Шанхае Русский отдел типографии будет [существовать] до тех пор, пока не кончим словарь...» (РГАЛИ, ф. 226, оп. 1, ед. хр. 15, л. 19).

4. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (24 октября 1950 г., Пекин)

«Сообщаю Вам, что все рукописи, [касающиеся] букв „Б“ и „В“ мною после просмотра возвращены тов. Цзян Чунь-фану [редактору журнала „Шидай“].

Мне удалось окончательно согласовать с китайскими товарищами порядок работы над редактированием и изданием словаря, который я Вам посылаю на отдельном листе.

Вот пока всё перед тем, как я засяду за большое письмо к Вам.

С товарищеским приветом Вл. Рогов

[P.S.] Тов. Жилин и Блосфельд шлют Вам привет» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 35).

5. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (30 октября 1950 г., Пекин)

«Буквы „И“ и „К“ [следует] начинать набором после отливки бумажных матриц „А“ и „Б“. Прошу Вас гранки набора делать на более широких листах, чтобы можно было уместить дополнения и поправки.

Да, конечно, [у нас] XIX век! Мы слабы технически, но ещё более мы слабы грамотными людьми. Имейте в виду, что у нас больше всего работают китайцы. У них знание русского языка [чаще всего] книжное, [поэтому] живой русский язык они не чувствуют. [У Вас] тяжёлая работа, но её нужно довести до конца.

Прошу также выяснить, вставляются ли юридические термины на правах дополнений? И дополнения из моего письма? Всё это нужно вставить [в словарь]! Непременно. Мне можно не присылать гранки с этими добавлениями.

Пока всё. Жму руку. Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 36).
6. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (31 января 19151 г., Пекин)

«О Вашей работе по словарю я должен сказать, что она очень важная, совершенно необходимая и лично я её высоко ценю. Кроме того, Ваша работа значительно облегчает мою работу как редактора словаря. Прошу Вас, невзирая ни на что, продолжать Ваше дело и по-прежнему вгрызаться в каждую мелочь...

Относительно медленных темпов работы я также, как и прежде, считаю, что „сие от нас не зависит“, а зависит исключительно от китайских товарищей, прежде всего от тов. Цзян Чунь-фана, который очень перегружен [посторонней] работой.

Ваши опасения относительно того, что я уеду раньше, чем мы кончим составлять словарь, беспричинны. Лично я заинтересован [скорее] закончить составление словаря, а уже потом домой! Я на словарь затратил больше трёх лет. Неужели придется бросать его незаконченным? Даже в мыслях представить себе такое страшно!

По вопросу о визе для [Вашего] отъезда на Родину могу сказать, что сейчас этот вопрос ставить несвоевременно. Пока не кончится война в Корее, вряд ли этот вопрос может решиться. Мне кажется, что вот как раз после окончания всех работ по словарю и придёт такое время, когда начнут выдавать визы. Тогда можно будет пожелать Вам счастливого пути...

У нас в Пекине хорошо, тихо, [стоит] приятная погода. Готовимся праздновать [китайский] Новый год. После Нового года я собираюсь ехать в провинцию Хубэй и в Ханькоу. Пробуду там две недели...

Желаю Вам здоровья и успеха. Жму руку. Ваш Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 37).

7. В.Н. Рогов – Цзян Чунь-фану (10 марта 1951 г., Пекин)

«В заключение я хочу поставить вопрос о том, что пора уже приступить к составлению вводной статьи к словарю, в которой необходимо будет пояснить, во-первых, принципы, на которых наш словарь построен, и во-вторых, – как пользоваться словарем. Я думаю, что нужно одновременно поручить это дело тт. Гу Юн-чжуну и Штраусу, а потом сравнить, что они напишут, и составить окончательный текст. Какое Ваше мнение?

Гранки буквы „А“ с окончательным моим утверждением, вышло в понедельник, 12 марта» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 41–42).

8. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (12 апреля 1951 г., Пекин)

«10 мая я, вероятно, на две-три недели уеду из Пекина на р. Хуайхэ

посмотреть, как ведётся там строительство огромных гидротехнических сооружений... Имея это в виду, я хотел бы получить от Вас для окончательного „о кей“ свёрстанные гранки букв „Б“ и „В“ с тем, чтобы нам поскорее иметь окончательные оттиски первых нескольких букв [словаря], причём чем скорее, тем лучше для отправки их в Москву. Так что присылайте гранки, задерживать и делать много новых дополнений не буду...

У нас в Пекинском отделении ТАСС перемен пока ещё нет. Приехали два [новых] сотрудника зам. зав. Отделением В.С. Пименов и корреспондент ТАСС Н.И. Крынкин. Мне обещано, что я вскоре могу вернуться домой, но когда это будет, пока не решено...

Из пекинских новостей: Леонов [издававший английский бюллетень] уехал. На днях состоялась ... свадьба В.А. Жилина. Он теперь живёт в особняке, в котором раньше жил Леонов. [Здесь] дуют неприятные песчаные ветра. Всё ещё холодно, но кругом чувствуется весна...» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 44–45).

9. В.Н. Рогов – Ю.А. Штраусу (10 июня 1951 г., ст. Маньчжурия)

«Как видите, пишу я Вам со станции Маньчжурия. Завтра будем в СССР. Доехали мы вместе с Михаилом Федоровичем вполне благополучно. В самый день отъезда я получил Ваше письмо от 24 мая...

Хороший человек, преданный [любимому делу] работник даже и при отсутствии хорошей окружающей обстановки может хорошо работать. Дело в том, что, к сожалению, в каждом из нас всё ещё сидит корявое „Я“. На всё мы смотрим через это корявое „Я“, и, если нам приходится туго, то тоже из-за него. [У нас] о человеке судят по работе, человеку многое прощают, если он хороший работник, человека возвеличивают, если он преданный [своей профессии] труженик, работает с любовью и достигает больших успехов...

Разговорился я. Это, видно, потому, что сейчас такой тихий вечер, и мне не нужно куда торопиться. *Теперь о делах. Опять нет пока необходимости разъяснять китайским товарищам значение Вашей работы.* Они это понимают... *Прошу Вас продолжайте эту важную работу с тем же вниманием и ответственностью, как и прежде.* Перед отъездом [из Пекина] я говорил с тов. Цзян Чунь-фаном о дальнейшей работе над словарём, а также о Вашей роли. В частности, Вам придётся досоставить недостающие четыре буквы Ч, Ш, Э, Ю. Вы будете у нас главным корректором, а [когда] дело подойдёт к изданию [словаря], так, может быть, и техническим редактором. В связи с этим Цзян Чунь-фан обещал увеличить Вам зарплату. Мы договорились, что ко мне в Москву Вы будете присылать два-три экземпляра гранок, свёрстанных в листах. Я буду их показывать в Москве специалистам и после просмотра подписывать их к изготовлению матриц. Все материалы мне нужно пересылать через Пекин (через тов. В.А. Жилина), а из Пекина авиапочтой [в Москву]. Тот же порядок будет и для моей Вам корреспонденции. Нечего и говорить, что каждый раз нужно будет подтверждать получение ответственных материалов хотя бы коротко.

Ваша дальнейшая работа над словарём должна проходить под руководством тов. Цзяна. Он – изумительный человек, насколько молчалив, настолько же и отзывчивый.

Очень прошу Вас в [нашей] работе считаться с двумя обстоятельствами: первое – наши китайские товарищи исключительно перегружены [разной] работой и второе – вообще у китайских товарищей совершенно не такой темп и стиль работы, как у нас, у советских. Это Вам очень важно всё время иметь в виду и не нервничать попусту.

Вот и всё о делах.

Радости моей нет границ. Трудно себе представить, что через девять дней я буду в Москве... Между прочим, нашими первыми признаками приближения к Родине были харбинские бублики, совершенно такие же, какие мой дедушка привозил с базара, и на ст. Барим в первый раз за многие годы [я] увидел ландыш. Не шанхайский ландыш без запаха, а наш лесной ландыш с тонким ароматом подлинной нежности. Я не удержался и как девица купил у русского паренька большой букет...

Желаю Вам всего хорошего. Пишите и главное продолжайте Вашу важную работу над словарём.

Передайте привет нашему молчаливому певцу Валентину Павловичу [Жилину].

С товарищеским приветом. Вл. Рогов» (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 47–48).

К сожалению, с отъездом В.Н. Рогова в 1951 г. в СССР на последующей подготовке данного пособия для овладения русским языком негативно сказались политические кампании в КНР, помешавшие окончанию работы над упомянутым словарём, столь необходимым для дальнейшего распространения русского языка среди китайского населения. По словам одного китайца, сотрудника издательства «Шидай» в Шанхае (переданным с большим опозданием В.Н. Рогову через Ю.А. Штрауса), частично подготовленный типографский набор для словаря был фактически уничтожен после общественного осуждения нового редактора, обвинённого в «коррупции» в период кампании борьбы «с пятью злоупотреблениями» (*уфань*). Помимо указанного факта в этой истории можно найти другие её подробности в письмах Ю.А. Штрауса, пожелавшего оставить мемуары о своём пребывании в Шанхае. Об этом позволяет судить приводимое ниже его письмо от 10 сентября 1962 г., отправленное В.Н. Рогову из г. Александров: «Не получив ответа на своё письмо от 15 августа, я понял это как молчаливое одобрение своих рабочих планов. К сожалению, по возвращении домой был схвачен гриппом, продержавшим меня свыше недели в кровати. В дальнейшем приступил к поискам остатков следов имущества „Эпохи“ [„Шидай“]. Результаты их при сём прилагаю.

Возможно, эти три странички не исчерпывают намеченной Вами темы, но это пока всё, чем я располагаю».

Более интересно своей конкретикой приводимое ниже другое письмо Ю.А. Штрауса от 17 сентября 1962 г., в котором сообщалось:

«Вчера получил Ваше письмо от 13 сентября. Благодарю за любезное доверие. При складывающихся условиях уверен, что воспоминания об издательстве „Эпоха“ получатся. Даже несколько открытых данных о сроках Вашей работы... в издательстве делают предстоящую мне работу

много яснее, не говоря уже о характере Ваших 8-ми вопросов... Считаю возможным сказать, что *прошедшая у меня на глазах жизнь издательства после передачи его КНР, с первых дней до моего отъезда из Шанхая (15 апреля 1955 г.) может ярко подтвердить, какое большое значение имело для наших китайских товарищей незримо политическое воспитание [со стороны] советского руководства, а отсюда недалеко до одного из основных факторов советско-китайской дружбы.*

В настоящий момент ответу на Ваши 8 вопросов лишь в общих чертах, т.к. более основательное пояснение последует в дальнейшем, может быть, уже в виде фрагментов всей намечаемой мною работы.

1. И Дэн-шан появился в издательстве в марте 1953 г. Предстоит уточнить, откуда: из Пекина или Москвы. Вернее [всего] из Москвы, т.к. там он в своё время выпустил учебник русского языка совместно с товарищем... забыл его имя, но Вы, вероятно, знаете, о ком идёт речь, поскольку таких учебников было немного...

Он представился как новый директор издательства. С ним был помощник, который вскоре остался в качестве руководителя Шанхайского отделения, а И Дэн-шан уехал в Пекин, где как будто возглавил Правление „Эпохи“. По крайней мере я имею его личное письмо с приложением личной печати, рисунок которой прилагаю.

Внешне И Дэн-шан был человеком среднего роста, полным, но в меру. [У него] живое, умное лицо. Возраст (Вы знаете, как трудно определить возраст китайских товарищей) на вид между 30-ю и 45-ю, примерно 40 лет. Фото его помощника, данное мне при прощании... прилагаю. На обороте его имя. Рядом с ним стоит жена. Между прочим он был любопытный человек. У И Дэн-шана жена – русская. В Пекине она была старшей сестрой-хозяйкой в советском госпитале, который мы, кажется, и строили. Фото сохраните для меня.

2. Буртасовские, мать и дочь, были наборщицами в русской типографии, находившейся ещё в помещении на „Лав лайн“ (напротив были „приюты любви“), откуда перешли вместе со всеми на [улицу] Чэнду-род.

3. Бывший управляющий магазином на Нанкин-род тов. Ван после отъезда И Дэн-шана и его помощника в Пекин (последний позже вернулся) управлял всеми делами в Шанхае. Когда началась известная Вам кампания борьбы против „пяти зол“ (уфань)... Ван был „уличён“ во множестве злоупотреблений. Процесс против Вана проходил в стенах „Эпохи“, в помещении типографии „Ваньли“ и в помещении на Авеню Жоффри... Вана простили (он вернул все причинённые им убытки), но его весьма понизили [в должности]. При мне он работал в конторе на Авеню Жоффри в качестве мелкого клерка...

7. Как Вы работали в издательстве „Эпоха“ после передачи её китайским друзьям в июне 1955 г.? И 8. Какова судьба нашего словаря?..

С горечью вспоминаю дни, когда до меня доходили сведения о намечаемом его уничтожении (в металлическом виде матриц с готовыми страницами). Гранки до буквы „С“ включительно, возможно, сохранились у моего китайского ученика (в Шанхае), которому я подарил их

при прощании... Между прочим у меня где-то в фотоархиве есть снимок: Вы с кем-то стоите возле памятника Пушкину в Шанхае. Надо поискать. Это и в самом деле яркая страничка прошлого...

Если это письмо застанет Вас в Москве, обязательно пришлите мне, если можете, адрес останков „Эпохи“ в Пекине. Я хотел бы обменяться парой строк с сёстрами Сюй, и может быть с Е Шоу-фу. И поймите в виду, что мой ученик в Шанхае, которому я помогаю в работе и сейчас в переводах с русского на китайский и поддерживаю дружескую переписку, охотно наведёт для меня [и Вас] всякую справку в Шанхае. Он прилично владеет русским языком и хорошо английским (жена пишет ему по-английски).

Ну, пока всё. *Счастливей Вы человек, которому судьба сохранила крылья.* У меня же они, по-видимому, основательно подрезаны. *Счастливого пути и всего доброго»* (РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1–5).

Таким образом, всегда преуспевавшему в делах журналисту Рогову из-за отъезда на родину в 1951 г. и последующей неблагоприятной истории в Шанхае с завершением своего русско-китайского словаря явно не повезло из-за политической кампании в КНР, но с подобной задачей блестяще справились Чэнь Чан-хао и Б.С. Исаенко, которым при издании своего труда в 1953 г. в Пекине удалось в весьма корректной форме учесть самые несущественные замечания редакции «Ши дай» ради сохранения основного текста оригинала, впоследствии получившего новую жизнь в народном Китае, где так остро ощущалась потребность в добротных учебных пособиях по русскому языку.

Принятые сокращения

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

Примечания

¹ О своих научных занятиях в китайской столице Лю Цзэжун, преподававший русский язык в Пекинском Университете, 23 сентября 1936 г. сообщал Н.К. Рериху: «Моя работа продолжается по-прежнему. Летом был занят выпуском двух книг. Одна из них составленный мною курс русской грамматики для наших учащихся [китайцев]. Другая – сборник материалов на русском языке, найденных в здешнем [бывшем императорском] дворце, за приблизительно 1650–1750 гг. Это “листы”, адресованные русским правительством и сибирскими властями китайскому [цинскому] правительству. Если Вас этот сборник заинтересует, разрешите по выходе его Вам послать». См.: Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 11726, л. 2.

² Ближайшим помощником В.Н. Рогова в подготовке русско-китайского словаря был журналист Юрий Адольфович Штраус (1892–1963), работавший в течение более 40 лет в различных русских газетах России и Китая. Свою трудовую деятельность в периодической печати он начал в 1907 г. в газете «Голос Москвы». В 1908 г. он состоял корреспондентом петербургской газеты «Новое время» в Тегеране. В 1909–1915 гг. его литературным сотрудничеством отмечены публикации газеты

«Раннее утро», «Русское слово», «Утро России». В 1918–1919 гг. он, находясь в Омске, был мобилизован правительством Колчака для работы в газете «Русская армия». В 1919–1921 гг. его корреспонденции появились в газетах «Новый путь» (Владивосток) и «Уссурийский гудок». В 1921 г. он переезжает в Харбин, где до 1937 г. активно работает в местных русских газетах и журналах. В последующие годы жизни его литературная работа проходит в Тяньцзине и Шанхае, важных центрах российской эмиграции. В 1914–1946 гг. он издаёт журнал «Сегодня», а с 1943 по 1955 г. работает в Шанхайском отделении издательства «Эпоха» (Шидай), после чего в 1955 г. уезжает в СССР. Как русский эмигрант он с 1918 по 1929 г. жил по паспорту П.В. Машукова, на основе которого ему выдавались разного рода служебные справки и удостоверения. После смерти его архив поступил в РГАЛИ от вдовы журналиста, занявшегося изучением деятельности издательства «Шидай» по совету В.Н. Рогова, о чём свидетельствуют его письма к своему бывшему руководителю и сослуживцу в Шанхае.

³ Речь идёт о «Русско-китайском словаре» Го Цзин-тяня [1].

Литература

1. *Го Цзин-тянь. Э-хуа цы-дянь* («Русско-китайский словарь»). Пекин, 1950.
2. *Хохлов А.Н.* Борис Степанович Исаенко (1914–1965) – блестящий знаток китайского языка, талантливый педагог и замечательный переводчик-эрудит // Востокведные чтения 2008. Тезисы докладов научной конференции 8–10 октября 2008 г. М., 2008, с. 28–29.
3. *Хохлов А.Н.* Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // «Восточный архив», 16, 2007, с. 79–86.